

УДК 94 (47+57): 930

**РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД
В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОТ СОЦИАЛЬНОЙ К «КУЛЬТУРНОЙ» ИСТОРИИ**

А.В. РЫТОВ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуется эволюция подходов к истории советского государства в 1920 – 1930-х годах в работах отечественных и зарубежных историков. Освещается развитие исторических интерпретаций взаимодействия власти и общества в СССР в советской и англо-американской историографии XX века. Раскрывается сдвиг в сторону культурологических подходов к советскому прошлому, произошедший в последние десятилетия под воздействием постмодернистских тенденций в исторической науке. В качестве главной черты современных советологических исследований называется стремление историков «понять» людей советской эпохи, выявить их систему ценностей и представлений о мире, о власти, о самих себе. Предлагается формализованная схема интерпретаций советской истории в «тоталитарной» модели, социально ориентированных исследованиях и «культурной истории».

Введение. В мировой исторической литературе на протяжении второй половины XX столетия сложился ряд концепций и моделей, объясняющих взаимодействие власти и общества в процессе развития советского государства в 1920 – 1930-е годы. Выбор методов и подходов к советскому прошлому во многом определялся самим состоянием исторической науки XX века, с присущим ей вниманием к макроструктурам и «тотальным» объяснительным схемам. Важным фактором, направлявшим интерпретации историков прошлого столетия, была и их неизбежная политическая «вовлеченность» в исследовательский процесс. Перемены в исторической науке, связанные прежде всего с антропологическим поворотом, а также распад СССР, намного деполитизировавший труд историков, кардинально изменили и подходы, и концепции советологов. Изучение эволюции историографии в сторону культурно-исторической традиции является актуальной задачей исторического исследования.

Основная часть. Марксистская методология оказала решающее значение на формирование социально ориентированной истории в Советском Союзе. В ее основе лежало положение о первостепенности изучения народных масс как главных действующих сил истории. Уже в конце 1920-х годов в СССР сложилась система научных центров по изучению социальной структуры общества и его главных социальных классов – рабочего класса и крестьянства. Тогда же были сформулированы и основные принципы изучения социального развития советского общества, где главным критерием оценки социального статуса человека выступало его социальное положение, определявшее «классовую сознательность» и социально-политическую активность [1, с. 57 – 63]. Изучение внутреннего развития рабочего класса, изменений в его социальной структуре и благосостоянии должно было предшествовать «раскрытию процесса осуществления рабочим классом своей авангардной роли» [2, с. 7].

В трудах советских историков в 1950 – 1980-е годы (в исследованиях по истории рабочего класса БССР выделяются работы Р.Т. Шлопака, Н.В. Власенко, Н.Е. Завалева, В.Н. Сидорцова, К.К. Германа, А.Т. Нетылкина, В.Г. Иванова, В.И. Вышинского, Г.Г. Герасименко и др.) раскрывался процесс «повышения ведущей роли рабочих в государственных, партийных и хозяйственных органах» на протяжении 1920-х годов. В основе массовой поддержки власти со стороны рабочего класса, согласно советской историографии, лежали как материальные интересы трудящихся, так и этические категории «классовой сознательности». Повышение социально-политической активности трудящихся в системе пролетарского государства являлось главным условием строительства социализма [3, с. 3]. Изменение места и значения других социальных групп рассматривалось как производное от этого процесса. Центральным сюжетом в советской историографии была постепенная консолидация рабочего класса, крестьянства и новой интеллигенции вокруг властных структур и регламентированных политических практик [4].

Отдельное место в интерпретациях советского общества, государства и власти в XX веке занимали исследования историков из стран «англо-американского сообщества», где уже в 1950-е годы сложилась система научных центров по изучению Восточной Европы. В условиях «холодной войны» зарубежные историки были в не меньшей степени подвержены негласной политической цензуре, чем их советские коллеги. В 1950-е в зарубежной советологии доминировала «тоталитарная модель», в рамках которой «общество рассматривалось как объект, инертный, безликий, формирующийся и управляющийся энергичными действиями тоталитарного режима. Такой взгляд на отношения между государством и обществом направлял внимание ученых на изучение государственных механизмов, а не социальных процес-

сов. Общество всегда представлялось жертвой государственных действий, а его реакция оценивалась как сочетание скрытой враждебности и пассивного принятия силы государства» [5, с. 77]. Тоталитарной модели был присущ открытый антикоммунизм и осуждение советского прошлого. В то же время такой подход позволял снять вину за произошедшее с народа и перенести ее на власть, бюрократию, Ленина, Сталина. Именно в этом Ш. Фицпатрик видела причину распространения тоталитарной концепции на постсоветском пространстве в 1990-е годы [6, с. 386].

На рубеже 1960 – 1970-х годов в западных академических кругах началось постепенное отвержение тоталитарной модели, являвшееся следствием критики устоев холодной войны, стремлением деполитизировать советологию. Историки этого течения, названного ревизионистским, как представители «первой волны» (М. Левин, С. Коэн, Р. Дэвис, Р. Такер, А. Майер, Д. Коенкер, В. Розенберг, Р. Сани, А. Рабинович и др.), так и более молодое и радикальное поколение социальных историков конца 1970 – 1980-х годов (Ш. Фицпатрик, А. Гети, Г. Ритерспорн, Р. Мэннинг, А. Чэйз, Л. Сигелбаум, Х. Куромия, Л. Виола и др.) в своих исследованиях акцентировали внимание на социальных силах и процессах. В этом заключался так называемый «взгляд с низу», отдававший решающее значение влиянию общества на политику режима. С одной стороны, существовала бесспорная поддержка правящего режима со стороны масс, прежде всего рабочего класса, ощущаемая на всех этажах социальной иерархии, с другой стороны, воздействие общества на власть могло осуществляться и в форме сопротивления политике режима. В результате «импульсов снизу» происходило негласное согласование интересов и вырабатывались возможные компромиссы.

Социально ориентированные историки отталкивались от идеи о первоочередности изучения социально-классовых отношений пролетарского государства, где ведущее положение занимали рабочие. Особое внимание уделялось выявлению социальных категорий в среде пролетариата, поддерживавших действия режима, как через непосредственное проведение политики на местах, так и через принятие регламентирующих поведение практик и стратегий. Такой «взгляд снизу» во многом сближал позиции западных ревизионистов с советскими историками, так как и те, и другие акцентировали внимание именно на поддержке режима со стороны рабочего класса [7, с. 68].

Изучение мотивов взаимодействия общества и власти являлось центральным сюжетом в подобных исследованиях. Если согласно тоталитарной модели советский режим зиждился на всеобщем страхе, то «взгляд снизу» больше акцентировал внимание на материальных составляющих взаимодействия людей в рамках властных структур. С одной стороны, крестьянский характер пролетариата способствовал росту уравнилельных настроений, распространению традиционалистских и индивидуалистических ценностей [8, с. 82]. С другой стороны, улучшение материального положения рабочих и крестьян связывалось и с повышением своего социального статуса через перемещение в категорию служащих. И материальные запросы рядовых рабочих, и возможность для социальных «низов» войти в новую элиту играли решающую роль в легитимизации сталинского режима. По мнению Ш. Фицпатрик, потенциальную возможность продвижения вверх имели прежде всего молодые квалифицированные рабочие [9, с. 21]. Несомненно, что членство в партии и комсомоле являлось необходимым условием такого продвижения, так как это позволяло демонстрировать «классовую сознательность» и следовать регламентируемым практикам и символам революции.

Общим для советской и зарубежной историографии на протяжении XX века было разделение государства на составные части: политику, идеологию, социоэкономические силы. Приверженцы тоталитарной модели отдавали решающее значение партийной власти, «сверху» воздействовавшей на общество. Историки-ревизионисты искали движущие силы революционных преобразований в социальных и экономических установках людей, действовавших соответственно «снизу» [10, с. 34]. Противопоставление истории «сверху» и истории «снизу», политики и идеологии, с одной стороны, и социоэкономических сил, с другой, являлось естественным в условиях господства модернистской традиции. Общим для исследователей XX века была также ограниченность в доступе к архивным документам. В этом отношении распад СССР, открытие архивов и освобождение от политических догм способствовало созданию более объективной картины советского прошлого. Большую роль в этом сыграло и сближение отечественных социально ориентированных историков с их западными коллегами, где уже в 1980 – 1990-е годы начался процесс деинституционализации в понимании политики, которая связывалась не только с традиционными государственными и общественными организациями в узком смысле, но и с семьей, браком, воспитанием детей, образованием. Среди зарубежных социальных историков постепенно утверждалась идея о комплексном понимании государства, где «ни власть, ни общество не имели столь четкого разграничения, так как были пронизаны целой паутиной интеллектуальных и материальных взаимозависимостей, находящихся в симбиозе» [11, с. 150].

Вопрос о социальных силах и процессах начал ставиться с другой стороны – со стороны поисков социального измерения государства, где «социальное» понималось как «культура», как набор всех тех спосо-

бов, при помощи которых люди представляют свое общество и взаимодействуют друг с другом [12, с. 19]. Такой сдвиг исследовательских интересов являлся результатом общих тенденций мировой исторической науки, обусловленных прежде всего постмодернистским поворотом, трансформацией истории как науки о социально-экономических формациях и политических системах в науку о человеке в его историческом времени, науку о «человеческой жизни».

Новая трактовка культуры обнажила ее текстовую, дискурсивную природу, что стало объединяющим элементом в исследованиях по социальной и политической истории СССР 1920 – 1930-х годов – власть и общество, «верхи» и «низы» стали рассматриваться сквозь призму разделяемых ими дискурсивных практик, т.е. через систему социальных значений: идей и понятий, ценностей и символов, ритуалов и кодов поведения, которые «структурируют жизнь и упорядочивают распределение материальных ценностей и власти» [13]. В этом духе выполнена книга Стивена Коткина «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация», направленная «на раскрытие доминирующих понятий и категорий самовосприятия людей того времени» [14, с. 360]. Можно сказать, что эта книга во многом определила последующий выбор тем и методов для нового поколения американских исследователей (так называемое «поколение К», среди них И. Халфин, Е. Хелбэк, П. Холквист, Я. Котсонис, А. Вейнер и др.) [15, с. 168].

В работах этой группы историков подчеркивалось, что официальный дискурс оказывал сильное влияние не только на небольшую группу убежденных марксистов, но и на более широкий сегмент общества. Жизнь в сталинскую эпоху заключалась в интеграции человека в практики доминирующего дискурса, поддерживаемого и поддерживавшего идеологический проект коммунистов [15, с. 174]. По-иному трактовались и мотивы такой поддержки – дискурс вызывал нематериалистические интенции у людей через такие категории, как личная репутация, позор, солидарность, а также идеологический энтузиазм, нравственные чувства и искренняя вера [15, с. 170]. Демонстрация своей «сознательности», желание избежать осуждения, следование моде, представлениям о престиже и успехе, соответствие определенным критериям и идентичностям большинства определяли социальные стратегии людей в советском обществе в не меньшей степени, чем их стремление поднять свой материальный уровень.

Изменившиеся подходы позволили по-иному взглянуть на советское прошлое. Историки все чаще стали обращаться к историческим источникам с целью «понять» людей ранней советской эпохи, выявить их систему ценностей и представлений о мире, о власти, о самих себе. В их повседневной культуре исследователи склонны видеть не отражение глубинных социальных структур и властных отношений, а, наоборот, их источник [13]. Развитие советологических исследований в сторону «культурной истории» может быть представлено следующим образом (таблица).

**Власть и общество в СССР
в исторической мысли XX – XXI веков**

Факторы	Тоталитарная модель	Социально ориентированная история	«Культурная история»
Власть и общество / принцип взаимодействия	Власть воздействует на общество. Общество сопротивляется или пассивно принимает силу государства	Общество активно участвует в формировании властных структур	Власть и общество интегрированы в культуру
	Страх перед террором	Материальные интересы, возможность войти в новую элиту	Нематериалистические интенции
Объект исследований	Политика. Идеология	Общество. Экономика	Человек. Язык
	Государственные структуры	Социальные группы / народные массы	Человеческая жизнь
Предмет исследований	Механизмы воздействия власти на общество	Социально-классовые процессы и отношения	Система социальных значений
Отношение к СССР / советскому прошлому	Антикоммунизм	Анти-антикоммунизм	Аполитичность
	Осуждение	Оправдание	Понимание

Эволюция зарубежной советологии от «тоталитарной» парадигмы к социально ориентированной истории в середине XX века являлась результатом усилий историков установить научный статус истории, «примерить» методы, заимствованные из других дисциплин, адаптированные для истории. В последние десятилетия XX века внутри социально ориентированной истории назрели перемены. Главным направлением развития социально ориентированной истории (к которой принадлежала и белорусская исто-

риография на протяжении «советского периода» своего развития) – в сторону «культурной истории» – стал перенос акцентов с изучения объективных структур исторической реальности на то, как представлялась эта реальность людьми прошлого [12, с. 23]. По мнению О. Шутовой, в отечественной исторической науке эти перемены еще не стали решающими в смене методологического арсенала исследователей: «для белорусских историков, например, все еще актуальной представляется задача «перевода» истории на «человеческий» язык, поворот от абстрактных «народа», «экономики», «политики», «национального самосознания» и т.д. к индивидуальному, психологическому, возрастному, гендерному и другим измерениям этого самого «народа», к разнообразию складов его жизни внутри «экономики» и «политики» [16, с. 40]. Изучение опыта англо-американских историков, которые не только давно двигаются в этом направлении, но и сделали его доминирующим в своих исследованиях, является необходимым элементом развития отечественной исторической науки в наши дни.

Выводы. Подходы и концепции истории советского государства в межвоенный период в зарубежной и отечественной историографии можно представить как постепенное движение исторической мысли от анализа политических структур и механизмов воздействия власти на общество к комплексному пониманию государства, где и власть, и общество объединены в единую систему социальных значений. Этот процесс является результатом развития исторической науки в целом, связанного прежде всего с постмодернистским поворотом в сторону антропологизации исторических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркус, Б.Л. К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР / Б.Л. Маркус // История пролетариата СССР. – 1930. – № 2. – С. 23 – 71.
2. Шкаратан, О.И. Методологические аспекты изучения советского рабочего класса / О.И. Шкаратан // Вопросы истории. – 1966. – № 4. – С. 3 – 16.
3. Сидорцов, В.Н. Рабочий класс Белорусской ССР в управлении государством (1921 – июнь 1941 г.): автореф. дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02 / В.Н. Сидорцов; Ленинград. гос. ун-т. – Л., 1986. – 34 с.
4. История рабочего класса Белорусской ССР: в 4-х т. / редкол. тома: М.П. Костюк (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1985. – Т. 2: Рабочий класс БССР в годы Великой социалистической революции и построения социализма (1917 – 1937) / М.П. Костюк [и др.]. – 488 с.
5. Меньковский, В.И. Власть и советское общество в 1930-е годы: англо-американская историография проблемы / В.И. Меньковский. – Минск: БГУ, 2001 – 188 с.
6. Fitzpatrick, S. Russia's Twentieth Century in History and Historiography / S. Fitzpatrick // Australian Journal of Politics and History. – 2000. – Vol. 46. – November 3. – P. 378 – 387.
7. Rossman, J. The Teikovo Cotton Workers' Strike of April 1932: Class, Gender and Identity Politics in Stalin's Russia / J. Rossman // The Russian Review. – 1997. – Vol. 56. – Issue January. – P. 44 – 69.
8. Hoffmann, D.L. Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929 – 1941. (Studies of Harriman Institute). / D.L. Hoffmann. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 282 p.
9. Фицпатрик, Ш. Классы и проблемы классово-принадлежности в Советской России 20-х годов / Ш. Фицпатрик // Вопросы истории. – 1993. – № 8. – С. 16 – 31.
10. Maila, M. The Archives of Evil / M. Maila // New Republic. – 11.09.2004. – Vol. 231. – Issue 22/23. – P. 34 – 41.
11. Keep, J. Recent Western Views of Stalin's Russia: Social and Cultural Aspects / J. Keep // Totalitarian Movements and Political Religions. – 2003. – Vol. 4. – Issue 1. – P. 149 – 166.
12. Шутова, О. На пути к Истории Людей: заметки по истории и исторической мысли (конец XX века) / О. Шутова. – Минск: ПолиБиг, 1999. – 108 с.
13. Энгельштейн, Л. Повсюду «Культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX – XX веков / Л. Энгельштейн // Kritika. – 2001. – Vol. 2. – № 2. – P. 363 – 393. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk9/12.html>. – Дата доступа: 03.03.2007.
14. Kotkin, S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization / S. Kotkin. – Berkeley and LA: University of California Press, 1995. – 639 p.
15. Hedin, A. Stalinism as Civilization: New Perspectives on Communist Regimes / A.Hedin // Political Studies Review. – 2004. – Vol. 2. – P. 166 – 184.
16. Шутова, О.М. Историография: диалектика «вызовов» в условиях постмодерна / О.М. Шутова // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф., посв. 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15 – 16 апр. 2004 г. / БГУ. Ассоциация «История и компьютер», Белорусская психохисторическая ассоциация; редкол.: В.Н. Сидорцов (отв. ред.) и [и др.]. – Минск, 2004. – С. 40 – 42.

Поступила 19.04.2007